

Дана Дейл

**Бывшие. Второй раз
не сбежишь!**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д25

Дейл Д.

Д25 Бывшие. Второй раз не сбежишь! / Дана Дейл. – М.: Литнет, 2026. – 786 с.

ISBN 978-5-521-99320-8

Она была богатой, свободной и уверенной в себе, пока не встретила его... Простого следователя. Одна случайная встреча изменила всё, любовь, вспыхнувшая внезапно, принесла не только счастье, но и боль, предательство, а также, крах всех мечт. Он стал её вселенной, и одновременно проклятием.

Они расстались, оставив друг другу только шрамы. Но спустя четыре года, когда прошлое казалось забытым, судьба снова сталкивает их лицом к лицу. Он – другой. Она – уже не та. Но... Их любовь – всё ещё жива. Смогут ли они пройти через то, что когда-то разрушило их? Можно ли простить, если сердце всё ещё помнит? Можно ли снова поверить, если однажды уже потерял всё? Иногда, чтобы начать сначала, нужно вернуться туда, где всё закончилось.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99320-8

© Литнет, 2026
© Дейл Д., 2026

Глава 1. Та ещё ночка

От лица Ульяны

Утро у меня сегодня началось, как у любой «примерной девочки», в полицейском участке. Вполне обыденное такое начало дня, ничего нового. До сих пор не понимаю, за что меня задержали. Ну подумаешь, на спор угнала патрульную машину. Не террор же я устроила, в самом деле. А теперь вот сижу, щёлкаю глазами и жду папочку, который на всех парах несётся спасать свою единствен-

ную и безнадёжно избалованную дочь. Ах да. Меня зовут Ульяна Соболевская. Мне двадцать два, и я явно приношу папе больше седины, чем радости.

Благодаря стараниям моего горячо любимого папеньки я, конечно же, учусь в одном из лучших московских вузов, на юрфаке. Почему? Не спрашивайте. Даже я не знаю ответ на этот вопрос. Ну какой из меня юрист? Я себя с галстуком и «Ваше честь» представить не могу без истерики. Но папины монологи, длинные, напыщенные, с паузами на вдохновение, однажды просто продавили меня. Я сдалась. Хотя отлично знала, работать по специальности я не буду. Ни. Ко. Гда. Эти всезнающие служители закона вызывают у меня аллергию, особенно такие, как один конкретный тип, который зная прекрасно, чья я дочь, всё же усадил меня в вонючий обезьянник, как последнюю преступницу. Про таких, как я, шепчутся за спиной, «мажорка», «золотая молодежь», «вечно в шоколаде». Что сказать, жизнь у меня действительно без счёта и ограничений. Лучшие курорты, машины, шмотки, эксклюзив до последней заколки. Но за этим фасадом, увы, сплошные трещины. Отношения с родителями, как хрупкий фарфор, который уже давным-давно никто не пытался клеить.

Отец, владелец сети автосалонов, идеальный для журнальных обложек, строгий, принципиальный, заботливый. Хотя я помню его другим... До того, как он стал таким железобетонным. Мать, владелица благотворительного фонда «Надежда», любимица прессы и спасительница детства. Ради очередного заголовка она готова хоть на Луну слетать. Сироты, больные дети, неблагополучные семьи, все получали от неё больше тепла, чем я за двадцать два года. Она, вечная королева льда, холодная, властная, недостижимая. Иногда мне кажется, что я им не родная. Конечно, я ещё та штучка, но до их высокомерия мне далеко. Наверное... Зато у меня есть мои девчонки. Натали и Крис, мои ведьмы, мои фурии, моя Святая Троица. С ними мы с детства вместе, и вместе же поступили на юрфак. Тоже

из «золотой молодёжи», но у них хоть голова на плечах. А когда мы собираемся втроём, это чистое минное поле, смех, риск, безумие. Но именно в этом хаосе, моя настоящая семья.

– Гражданка Соболевская?

Из мыслей меня выдернул чей-то голос, громкий, уверенный, будто вышел прямиком из методички по «альфам». Я медленно повернула голову, с ленцой оценивая источник звука. На пороге стоял какой-то красавчик и смотрел на меня с выражением лица «я здесь главный».

– Ульяна Сергеевна!

Поправляю этого стража галактики, а после надменно добавляю.

– К девушке моего круга, принято обращаться только по имени и отчеству. Ясно? И вообще... Ты сам кто такой?

С достоинством усевшись на жёсткую деревянную лавку, я неспешно оглядела своего мучителя с ног до головы, того самого, кто вчера без лишних слов усадил меня в этот прокуренный аквариум. Тогда, признаться, я не успела толком его рассмотреть. Да и была я в том состоянии... Как бы это помягче, весёлой антилопой с перебором текилы. Но сейчас, трезвым взглядом, пришлось признать, парень, стоящий напротив, чертовски хорош. И это, откровенно говоря, раздражало.

– Во первых... Не ты, а вы... Во-вторых...

Медлит он, а я закатив глаза, перебиваю.

– Мальчик, тебе лет то сколько? Не круто ли к тебе на «вы» обращаться?

Слегка приподнимаю бровь, скепсис, смешанный с любопытством, почему он без формы? Вместо неё, простая чёрная водолазка, узкие джинсы и косуха. Волосы, густые, чёрные, как уголь, уложены гелем с нарочитой небрежностью. Ммм... Значит, с внешностью у нас полный контроль. Но главное, глаза. Чайного цвета, тёплые и в то же время обжигающе пронзительные, будто читают мысли. Глянешь, и уже не отвести. Бездонные. Словно втягивают внутрь. В остальном он вроде бы ничем не выделяется, но от одного его взгляда по спине проходит ток, а кожа покрывается ледяными мурашками. Как после грозы.

– Пока находишься здесь, будешь обращаться ко мне на «вы». Поняла?

– В твоих мечтах... И вообще, позови мне взрослого дяденьку следователя, пусть он, а не какой-то всратый стажер мне объяснит, когда меня наконец из этого клоповника выпустят! Не хватало еще какую-нибудь заразу подхватить в этой антисанитарии.

Смотрю ему прямо в глаза, тёмные, насыщенные, как горький шоколад, и полные наглого вызова. Он лишь ухмыляется, хищно,

демонстративно облизывая нижнюю губу, будто играет на моих нервах специально. Меня начинает трясти от раздражения, слишком самодовольный, слишком уверен в себе. Я уже готова была высказать всё, что думаю, но не успеваю, из коридора доносится топот шагов. Быстрый, уверенный, направленный прямо к нам.

— Добрый день, Герман Александрович. Я прошу прощения что заставил вас ждать.

О, вот и мой папенька. Сделав несколько гулких шагов, отец подошёл к этому парню и сдержанно, по-мужски пожал руку, крепко, с тем весом, который чувствуется даже без слов.

— Ну, ты ему еще в ножки поклонись, папенька.

Огрызаюсь дерзко, без попытки смягчить тон, и с вызовом перевожу взгляд на этого задрипанного копа, что щурится, будто изучает меня под микроскопом. Да, я знаю, что приковываю взгляды, ухоженная, эффектная, но без этого дурацкого антуража пластиковой куклы. Ни уколов, ни натянутых лиц, только отличная генетика, немного удачи и горстка папиных миллионов. СПА и салоны, моя вторая прописка. Я вбухиваю туда такие суммы, что любая бухгалтерша заплакала бы, но, скажем честно, результат того стоит.

— Закрой рот!

Отец чеканит слова жёстко, будто высекая их зубами, на моем лице, ох, эта его звериная усмешка... От одного этого взгляда по спине пробегает мороз, всё внутри съёживается. Мне становится по-настоящему не по себе, как будто я снова маленькая, а он вот-вот сорвётся.

— Вообще, что происходит? Почему ты перед каким-то сопляком извиняешься?

— Я сказал, закрой рот, Ульяна!

Отец метнул в меня взгляд, колючий, намного страшнее обычного. Его глаза скользнули по моей мятой одежде, растрёпанным волосам, будто раздевая до последнего слоя приличия. И тут же его лицо исказилось в тяжёлой гримасе, как будто рядом с ним стояло не его дитя, а нечто отвратительное и постыдное. От этого взгляда в груди стянулось что-то болезненно знакомое.

— Видимо, для вашей дочери понятие приличий, как высшая математика. Слышала, что существует, но разобраться не удосужилась. Вам стоит, наконец, объяснить вашей дочери, что законы, это не рекомендации, и фамилия не даёт иммунитет от последствий.

Я едва сдержалась, чтобы не закатить глаза, а в худшем случае, не плюнуть ему в его наглое лицо. Чистый театр. Вон он, весь такой правильный, словно из методички по морали вылез.

— Прощу прощения за поведение Ульяны.

На вид этому менту, лет двадцать пять, максимум двадцать семь, ну точно не тридцать. Совсем пацан. Едва из пелёнок, а уже строит

из себя великого командира и пытается строить моего отца. И мне, между прочим, тоже приказывает, будто я его младший сержант на практике. Занятно, конечно. Такое чувство, что он смотрит сериалы про спецназ и всерьёз примеряет на себя главную роль. Мальчик решил поиграть во взрослого, н-да... Умилительно.

– При всем уважении, Сергей Анатольевич... Займитесь воспитанием своей дочери, иначе, в следующий раз ей так просто не отделаться.

Этот козлина метнул в меня раздражённый взгляд, будто я портила ему картину мира. Потом резко схватил папку с документами и с видом великого стратега закопался в неё, как будто там планы спасения человечества, а не моя мелкая проделка. Ну-ну, пусть поиграет в начальника.

– К сожалению, тут уже поздно заниматься воспитанием, моё упущение.

– Надеюсь, больше ваша дочурка здесь не окажется, закрывать глаза на её выходки я больше не буду. Всего доброго.

Резко выплюнул он, будто я испортила ему аппетит на неделю, и снова метнул на меня взгляд, с таким выражением, словно перед ним не дочь уважаемого магната, а дворовая девка с сомнительной репутацией. Ну прям моральный блюститель года нашёлся. Да кто он вообще такой? Задрипанный мент в дешёвой одежде, с зарплатой на полбензобака, а ведёт себя так, будто лично вручал скрижали с законами Моисею. И ведь задевает. Бесит до скрежета зубов. Какой-то нищий мент решил, что имеет право меня судить? Серьёзно?

– Спасибо Герман. Всего хорошего. Отцу огромный привет, достойного сына воспитал. Всем бы таких детей.

– Так может усыновишь его? Посмотри какой мальчик-зайчик.

– Видите, Герман, как не повезло мне.

Отец нарочито выделил свою фразу, колкую, до злобы обидную, и глянул на меня сверху вниз, как на провал личного проекта. Удивительно, как тон может резать больше, чем слова. Обидно? Да.

Но если уж на то пошло... Кто, интересно, этот самый проект запускал и воспитывал? Я, лишь зеркало, в которое они теперь боятся с маменькой смотреть.

— Передам.

Парень кивнул отцу, открыл решётку и не удостоив меня даже мимолётного взгляда, выпустил наружу. Глухой лязг, и дверь снова за ним закрылась. Он исчез за углом, направляясь в кабинет, словно я была для него пустым местом. А у меня внутри всё перевернулось. Мне до зуда в груди хотелось ещё раз взглянуть в его глаза, в эти чёртовы омуты, в которых можно захлебнуться. Чёрт, что со мной?! Я что, совсем свихнулась? Вздвогнув, отгоняю эту бредовую мысль и делаю шаг к отцу, будто возвращаясь в реальность, где чувствовать нельзя.

— Это вообще кто?! Почему он так с тобой разговаривал?

— На выход!

Отец грубо подхватывает меня под локоть, ни слова, ни взгляда, просто железная хватка и марш-бросок к машине. На улицу, к нашему безупречно чистому авто, как к месту казни. Я плюхаюсь на сиденье, не успев отдышаться, чувствую, как на мне мгновенно застывает его ледяной взгляд. Ну да, сейчас начнётся. Речь века. Очередной трактат о разочарованиях и позоре семьи. Но я сегодня не в настроении для просветления. Медленно достаю наушники из кармана, демонстративно всовываю их в уши и не глядя в его сторону, утыкаюсь в окно. Всё. Сигнал получен, приём окончен.

— Я не понимаю, чего тебе не хватает? Что ты устроишь следующий раз? Вот что? Взорвешь что-нибудь?

Изображаю полное безразличие. На самом деле, каждое его слово проходит сквозь затычки, как сквозняк через щели. Голос всё громче, интонации злее. Он закипает на ровном месте, и когда наконец до него доходит, что я даже не повернулась, терпение лопается. Одним движением он выдёргивает наушники и с театральной злостью швыряет их в приоткрытое окно.